

«Без галстука» с Антоном Варфоломеевым

ОТ РЕДАКЦИИ: ПИР-Центр продолжает серию интервью в формате «Без галстука». Сегодня мы побеседовали с **Антоном Варфоломеевым** – кандидатом политических наук, доцентом кафедры международной и национальной безопасности, заведующим Центром изучения новых вызовов и угроз Института актуальных международных проблем, проректором по научной и инновационной деятельности МГИК, член Сообщества «Под знаком ПИР» с 2003 года.

В откровенном разговоре он рассказал о своем профессиональном пути длиной более четверти века, о том, как изучение терроризма влияет на восприятие мира, поделился опытом работы в международных структурах и вспомнил напряжённые моменты подготовки чемпионата мира по футболу FIFA-2018.

Интервью провел **Руслан Белозерский**, практикант ПИР-Центра.

«Предмет моего исследования начинает влиять на меня самого»

Между наукой и реальностью: 25 лет изучения терроризма

Проблематику терроризма я изучаю более двадцати пяти лет – с первого курса университета. Конечно, эта сфера обладает, если можно так выразиться, сильной негативной «энергетикой». Невозможно полностью абстрагироваться от эмоций и переживаний, оставить за бортом трагедии жертв терроризма, насилие, страх и ужас, которые испытывают простые обыватели.

Честно могу сказать, что неоднократно корил себя за выбор именно этой темы. Сейчас уже в меньшей степени, но в периоды глубокого погружения в события и материалы приходилось ловить себя на мысли, что предмет моего исследования начинает влиять на меня самого. Мой личный пример подтверждал один из постулатов третьей научной революции: субъект, исследователь – это часть наблюдаемой системы.

Помню, как-то, еще до Олимпиады в Сочи, летел из старого аэропорта Адлера и еле сдержал себя, когда пассажирам разрешили пронести на борт в ручной клади чачу в полуторалитровых пластиковых бутылках. Мое воображение, искаженное разбором десятков случаев проявлений терроризма, в одну секунду нарисовало, что можно было сделать с помощью нескольких литров очень крепкого алкоголя и, например, зажигалки. И это, конечно, была не паранойя, а просто осведомлённость и профдеформация, связанная с особым вниманием к угрозам и рискам.

Вообще, я неоднократно думал: а что было бы, если бы в университете я занялся не изучением терроризма, а международной охраной памятников истории и культуры? Для международной повестки – при любой конъюнктуре – это нечто положительное и объединяющее. Терроризм же, напротив, являет собой вещь разобщающую, сопряженную с проблемой двойных стандартов в области определений, трактовок и правоприменения.

Выступление на телепередаче «60 минут». Москва, 2025 год
(фото из личного архива)

Сложилось несколько факторов, определивших мой путь. Первым фактором, как бы странно это ни показалось, стала моя давняя увлеченность авантурными приключенческими романами, сюжеты которых завязаны на загадках и интригах. Я зачитывался книгами Александра Дюма, где переплетаются подвиги, личные драмы и большая история (хотя сам Дюма неоднократно говорил, что история для него – лишь гвоздь, на который он вешает свои картины). Тайные механизмы истории, скрытые от обывателя, мотив одиночки, противостоящего обществу, закрытые сообщества, оказывающие тайное влияние на исторические процессы, – все это будоражило воображение, создавало этакий ореол таинственности.

Мне стала любопытна подноготная политической борьбы и способы, которыми один или несколько наделенных сильной волей и способностями людей манипулируют общественными настроениями и целыми социальными группами. Отсюда появился интерес к феноменам угроз и страхов как психологическому и политическому драйверу политики. Ведь через, по факту, малозначительное по масштабам насилие можно добиться выдающихся результатов. Срабатывает мультиплицирующий эффект страхов, так называемая терроризация, то, что мы сегодня называем асимметричными угрозами.

Задействование, по факту, минимальных ресурсов позволяет добиться во внутривнутриполитической борьбе или во внешнеполитическом противостоянии тех преимуществ, которые раньше потребовали бы гигантского вложения сил и средств. При негативном сценарии – и такое, к сожалению, даже при нашей жизни было неоднократно – узкая группа идеологов террористических движений может приобрести влияние на мировые дела, сравнимое с мощностью многих государств мира.

Второй фактор – личность Учителя. Для меня это профессор Колобов, создатель одной из ведущих школ международных исследований в нашей стране, долгие годы декан факультета международных отношений Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, моей *alma mater*. Один из самых ярких и харизматичных людей, которых я встречал за свою жизнь. К сожалению, совсем недавно он покинул этот мир. Олег Алексеевич всю жизнь занимался тематикой принятия внешнеполитических решений. Причем это был не формальный подход, а внимание ко всем участникам, в том числе скрытым и даже маргинальным: группы лоббистов, религиозные объединения, национальные меньшинства, картели и террористические организации.

Меня, студента, он привлек для работы в соавторстве над глоссарием по международному терроризму, который увидел свет в столичном издательстве, причем огромным для

научной работы тиражом – 3 тысячи экземпляров. Когда я увидел книгу на полках «Библио-Глобуса», сначала даже не поверил. Конечно, такую мотивацию для простого молодого парня из провинции сложно переоценить. Всех вокруг Олег Алексеевич заставлял верить, что большинство границ – в самых разных смыслах этого слова – существуют только в нашей голове.

(фото из архива ПИР-Центра)

Наконец, на выборе моей экспертной темы, конечно, сказались события, связанные с активизацией деятельности международных террористических организаций на рубеже девяностых-нулевых. Все, кто застал, помнят 11 сентября 2001 года. У меня до сих пор в голове картинка, как в прямом телеэфире я с открытым ртом наблюдал за обрушением башен-близнецов, и не верилось, что это не кадры очередного голливудского блокбастера, а реальная жизнь.

Единство перед лицом угрозы

Может ли терроризм выступать не только сугубо негативным явлением, но и явлением, вокруг которого возможно осуществлять позитивное объединение наций и социальных групп? Уверен, что да, в целом я согласен с этой мыслью. Мы знаем такие примеры: те же события 11 сентября, когда произошло беспрецедентное единение мирового сообщества, а тематика терроризма на несколько лет стала номером один в повестке любых международных переговоров, причем с кем бы и в каком формате они ни проходили.

На третьем курсе университета я пришел на практику в только что созданный Департамент по вопросам новых вызовов и угроз МИД России (ДНВ), где потом, уже получив диплом, стал работать дипломатом. Так вот, с 2002 года, занимаясь подготовкой сначала черновых материалов, а потом справок и тезисов к беседам руководства, я лично наблюдал, что с кем бы ни проходили переговоры – со странами Европы, Азии, Северной Америки, в диалоге Россия – НАТО, – терроризм был в повестке вопросом номер один. Здесь, кстати, сыграл роль и личный фактор.

*Встреча Министра иностранных дел Российской Федерации с молодыми дипломатами.
Москва, 2004 год
(фото из личного архива)*

У меня есть предположение, возможно, несколько крамольное, что такой фокус внимания был относительно субъективным. Так сложилось, в том числе через эмоции и личный опыт лиц, участвовавших в выработке внешнеполитических решений. Вспомним революционную резолюцию 1368 Совета Безопасности ООН, которая приравнивала по правовым последствиям акты международного терроризма к вооружённой агрессии. Та резолюция, своеобразный карт-бланш для американцев для начала вторжения в Афганистан, была проголосована, когда под дымящимися развалинами Всемирного торгового центра ещё продолжались поиски выживших. Руководители дипмиссий, голосовавшие в Совбезе, наверное, не до конца адекватно оценивали, что они делают. Не было, да и не могло быть, трезвого понимания того, как эта история будет развёрнута в новом преломлении классических норм международной безопасности. Импульсом, скорее, стала эмоциональная реакция, потому что мы понимаем, как тогда в Совбезе складывался консенсус. Каждый из постпредов отправил депешу в центр, где, наверное, не сухими словами, а совершенно увлеченно и под впечатлением происходивших событий описывал увиденное, предлагая набор мер и высказывая свою оценку. Рациональность и сухой стратегический расчет тогда в принятии решений вряд ли доминировали. Плюс важнейший фактор общественного мнения, которое подталкивало политиков и экспертов в самых разных странах мира к тому, чтобы объявить терроризм глобальной угрозой номер один.

Есть и другие примеры того, как терроризм выступал в роли объединяющего звена в диалоге, например, на этапе серьезного усложнения отношений России с Западом. Так, Олег Владимирович Сыромолотов, долгие годы бывший заместителем министра иностранных дел по вопросам противодействия терроризму, рассказывал, что во время сочинской Олимпиады в России был предотвращен крупный теракт, чему способствовала информация от американцев – и это уже не в самый теплый период взаимоотношений Москвы и Вашингтона.

Однако в этих суждениях важно подчеркнуть: объединение для борьбы с терроризмом – это вынужденная мера. Терроризм совсем не идеальный повод для преодоления

разногласий, это ситуативный «общий враг», а антитеррор сам по себе ни в коей мере не устраняет глубинных противоречий двусторонних или многосторонних отношений.

Если мы берем реалии сегодняшнего дня, то можно только с ужасом представить, какой должна быть террористическая угроза, чтобы она объединила, как это было в 2001 году, в единый антитеррористический фронт Россию, США и страны Западной Европы. С учетом нынешнего уровня взаимоотношений мне бы не хотелось, чтобы такая угроза стала реалистичной.

Одна угроза – разные правила игры

Как я уже говорил, противодействие терроризму всегда будет находиться в плену двойных стандартов. Терроризм – это политически мотивированное насилие, и слишком велико искушение не разыгрывать эту карту в конъюнктурных целях.

*Командировка в Шанхай по линии Дипломатической академии МИД России. Шанхай, 2019 год
(фото из личного архива)*

Моя оценка такова: абсолютное большинство зарубежных партнеров, в том числе европейских, всегда очень высоко ценили профессионализм российских правоохранительных органов и спецслужб. Уровень отечественного технического обеспечения, использования специальных средств и проведения реальных контртеррористических операций (КТО) никто не может поставить под сомнение. К сожалению, этот профессиональный опыт дался нам очень дорогой ценой в 1990-е годы. Не являюсь специалистом по КТО, но знаю, что российские наработки были востребованы у западных коллег, которые при случае всегда с готовностью участвовали в обмене наилучшими практиками борьбы с терроризмом. И здесь не было дефицита понимания, несмотря на языковой барьер.

В то же время мы с западными коллегами всегда расходились по вопросу дилеммы безопасности и тех ограничений, которые необходимо вводить в интересах противодействия терроризму. По этому вопросу, а также в части работы с жертвами терроризма, дискурс со стороны европейцев всегда был «обличительным». При этом кое-где в части ограничений европейцы нас даже опережали. Например, ответственность

интернет-платформ (то есть третьих лиц, у которых нет никакого умысла на поддержку терроризма) за неудаление террористического контента была введена директивами ЕС намного раньше, чем аналогичные подходы стали применяться в России.

В целом, обращаясь к личному опыту работы в Совете Европы, ОБСЕ и в рамках тогда еще «восьмерки», я бы отметил, что со стороны западных коллег всегда чувствовалось определенное менторство. Думаю, это сыграло заметную роль в нашем «разводе» с Западом. Конечно, высокомерие и взаимная неудовлетворенность не были главными причинами сегодняшнего кризиса взаимоотношений. Но они обеспечили своеобразную психологическую готовность к этому – когда мы припомнили друг другу все прошлые обиды, о которых, может быть, раньше и стеснялись говорить. И такая артикуляция «оправдала» разрыв, подвела под него базу, позволила сказать, что «все зрело давным-давно», и уже много лет мы видели те или иные «знаки» неуважительного друг к другу отношения. Боюсь, преодоление нынешнего кризиса доверия с обеих сторон теперь займет долгие годы, если не десятилетия.

За кулисами футбольного праздника

В 2017 году я оказался в Оргкомитете чемпионата мира по футболу. Признавая, что проблемы возникают при организации любого крупного мероприятия, я, тем не менее, невольно улыбаюсь, вспоминая о тех событиях. Это был яркий, интересный и насыщенный год, оставивший по большей части приятные воспоминания, хотя это был настоящий вызов– организационный, командный и личный.

Честно говоря, я был всегда далек от футбола. Смотрел с друзьями только матчи национальной сборной, да и то это было, по большей части, азартное времяпрепровождение, нежели увлечение самой игрой. Поэтому во многие детали пришлось вникать с нуля. Я испытал на себе те самые переживания «синдрома самозванца», когда тебе кажется, что ты залез на совершенно чужую поляну и тебе здесь не место.

Хоть моя трудовая книжка лежала в офисе Оргкомитета в Лужниках, работал я в своем родном Нижнем Новгороде, где занимался вопросами связанности объектов, взаимодействием с ведомствами и планированием отработки чрезвычайных ситуаций.

Матч Аргентина-Хорватия, Чемпионат мира по футболу FIFA-2018. Нижний-Новгород, 2018 год

(фото из личного архива)

Область задач была, как я уже сказал, совершенно новой, но проблематика терроризма не оставила меня и на этом поприще. Одними из проблемных инцидентов, которых было море, стали массовые сообщения о минировании объектов чемпионата. Мне вспоминается случай, когда во время одного из матчей я дежурил в региональном операционном центре, и поступило сообщение о бомбе в гостинице, где размещалась команда футболистов. Матч уже заканчивался, далее команды шли в раздевалки, в душевые, и оставалось буквально 10-15 минут до отъезда в гостиницу. Футболисты уже планировали садиться в автобус, а в это время по их номерам в гостинице в авральном режиме ходили кинологи с собаками. Это было очень яркое впечатление, и мы чуть не поседели.

(фото из архива ПИР-Центра)

Несмотря на все сложности, чемпионат прошел на самом высоком уровне, и, уверен, общее впечатление у абсолютного большинства гостей чемпионата было самое замечательное. Глобальные спортивные события – это, пожалуй, лучший повод продвигать информацию о людях, о быте, о культуре страны-организатора. Дополнением к этому выступает возможность включаться в отработку наилучших менеджерских практик и самых современных технологий. Тот опыт, который всей команде организаторов и мне лично дали ФИФА и другие международные партнеры, по-настоящему бесценен. И это не пустые слова.

Последние годы наша страна была фактически вычеркнута из мировой спортивной повестки. После чрезвычайно сложного периода для наших спортсменов есть признаки оттепели. Недавно Международная ассоциация легкоатлетических федераций сняла ограничения с нашей национальной федерации. Это добрый знак. Но не будем питать иллюзий: в ближайшее время мы, к сожалению, вряд ли получим события, сопоставимые по масштабам с чемпионатом мира или Олимпиадой.

ПИР-Центр как точка роста

В 2004 году, будучи студентом из закрытого города Горького, я впервые столкнулся с ПИР-Центром – одной из первых дверей в сообщество международников. Будучи студентом хорошего, но регионального вуза, я получил возможность живого общения с лучшими экспертами, уровень которых тогда был просто недостижим. Попадая на программу повышения квалификации для молодых специалистов в области нераспространения оружия массового уничтожения и контроля за вооружениями в старом офисе около Тверской, я не просто слушал людей, на чьих учебниках и статьях вырос как специалист, но общался с ними в диалоге. Для меня настоящим открытием стала практика ситуационного анализа, которую ПИР-Центр привнес для молодых «зеленых» экспертов. Мои воспоминания о ПИР-Центре можно описать одним словом: «уровень» – и приятно, что вот уже тридцать два года эта планка выдерживается! ПИР-Центр внес в мою жизнь килограммы высококлассного профессионального чтения – учебники по нераспространению, журнал «Ядерный Контроль», монографии о супертерроризме – многое из этого определило направление моих исследований на последующие годы. ПИР-Центр показал, что небольшой коллектив единомышленников способен на многое, разрушая стереотип о том, что исследовательский институт должен быть огромным и тяжеловесным.

В 2018 году после завершения Чемпионата мира по футболу я вернулся в мидовскую систему и оказался в Дипломатической академии на экспертной позиции. Какого же было мое удивление, когда я узнал, что моим непосредственным руководителем станет В.А. Орлов! Тогда он совмещал работу в ПИР-Центре и руководство одним из аналитических подразделений Института актуальных международных проблем, входящего в структуру Дипакадемии. Пару лет мы проработали вместе с Владимиром Андреевичем, чему я очень рад.

ПИР-Центр неоднократно появлялся яркими всполохами в моей жизни. Благодаря ПИР-Центру я начал работать на дипломатической службе в МИД России, участвовал в делегациях ОБСЕ, Совета Европы и «Группы восьми», защитил кандидатскую диссертацию по вопросам негосударственных угроз международной безопасности, преподавал и управлял проектами в университетах и ведомственных вузах. Подготовил докторскую диссертацию в Дипломатической академии МИД России. ПИР-Центр ввел меня в проблематику нераспространения и помог соединить мои интересы в области терроризма и оружия массового уничтожения. Когда я служил в центральном аппарате МИДа, мы проводили ряд встреч с экспертами центра и продолжали обсуждать совместные проекты.

Со многими коллегами по ПИР-Центру мы работаем и общаемся до сих пор. Как увлекающийся виндсёрфингом, я знаю, что важно не только поймать волну, но и удержаться на ней. Более четверти века успешной работы ПИР-Центра – солидный срок, подтверждающий востребованность его задач и ценность результатов для экспертов, лиц, принимающих решения, и новых поколений международников. Желаю ПИР-Центру оставаться на гребне волны и дальше!

Интервью: Руслан Белозерский

Редактура: Юрий Шахов

Ключевые слова: Без галстука

ALU

E16/SHAH – 26/05/18